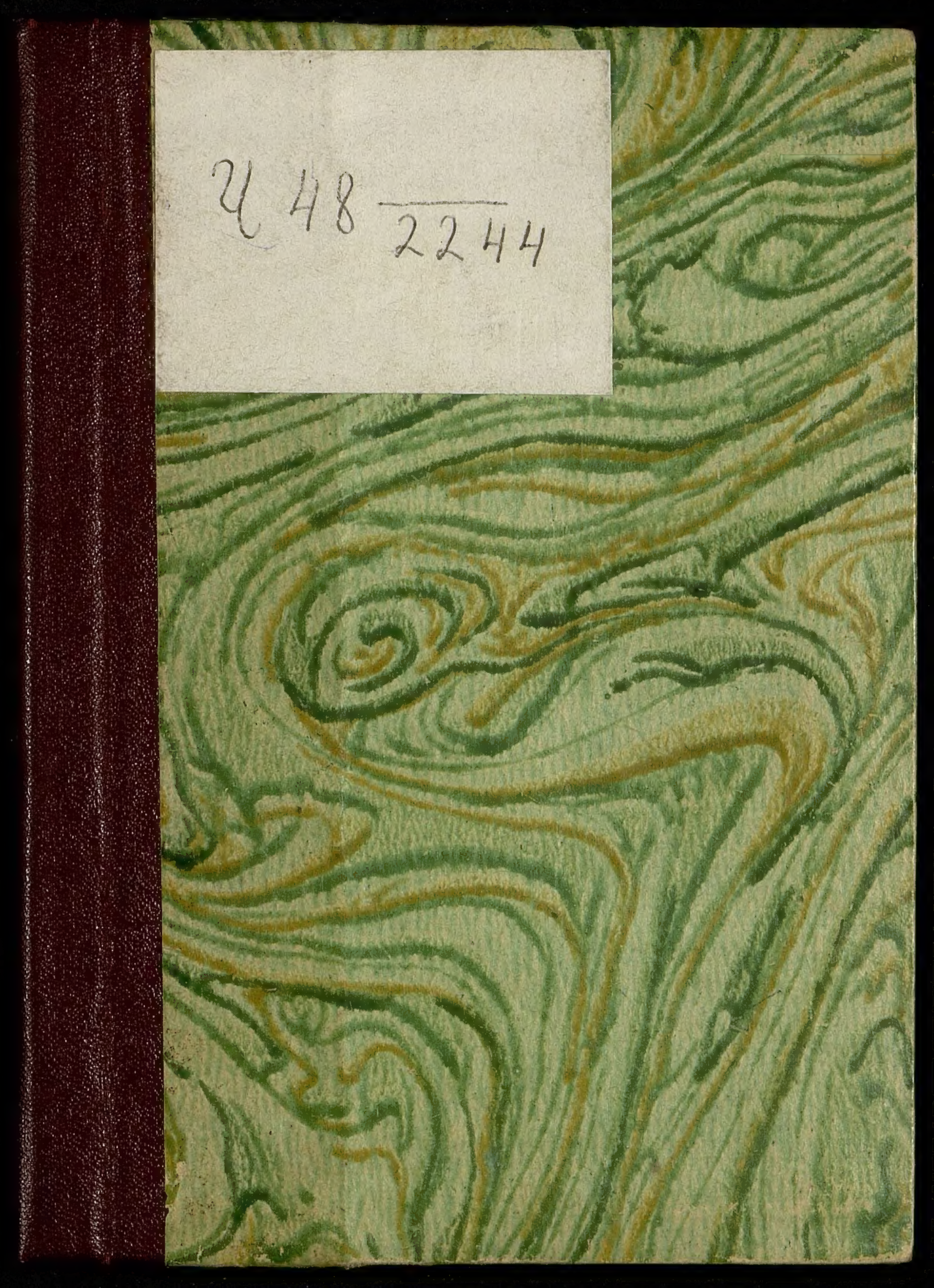
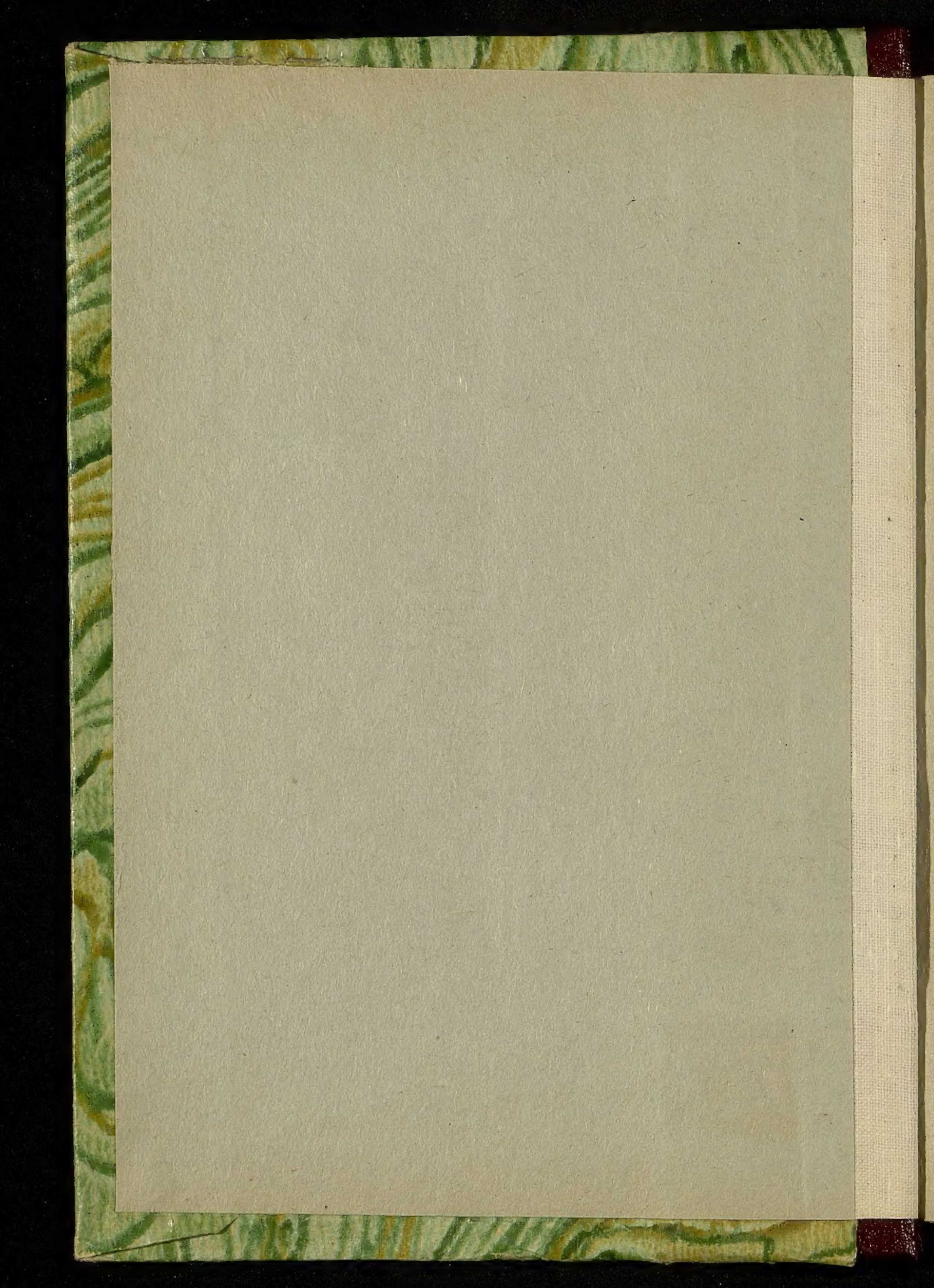
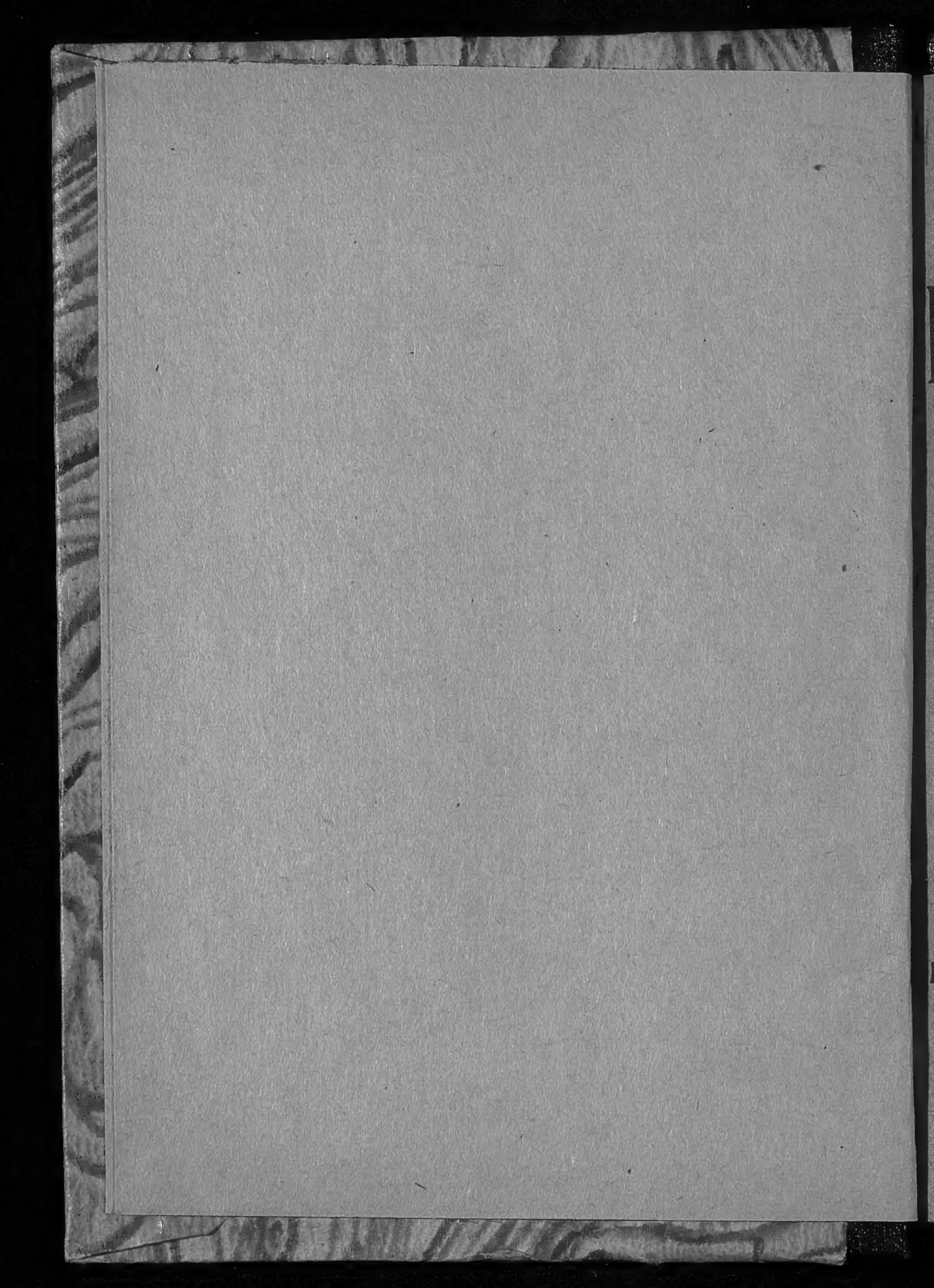

Ч 48 / 2244





ПРИВАТЪ-ДОЦ.
ПИТИРИМЪ СОРОКИНЪ.

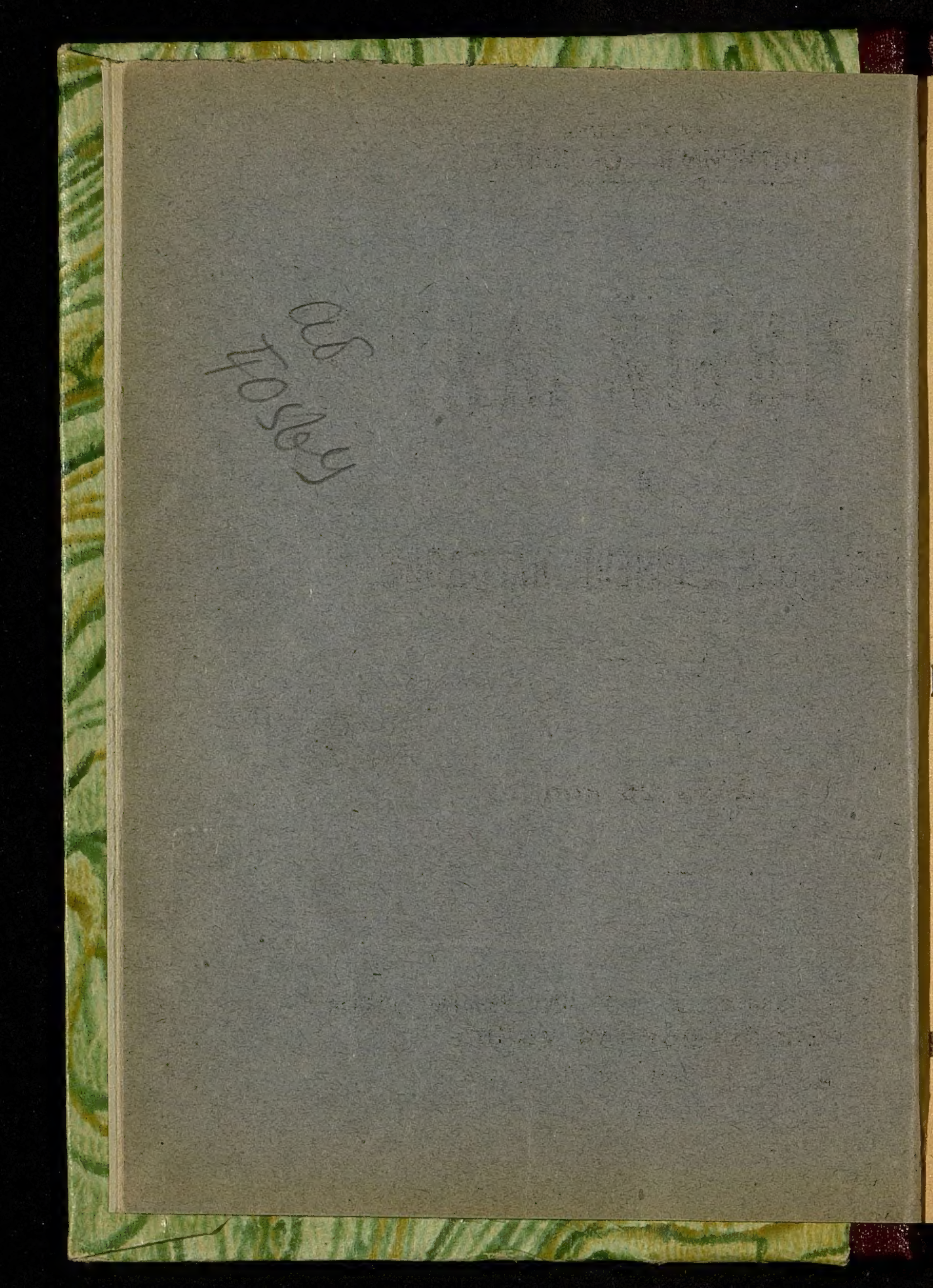
ВѢЧНЫЙ МИРЪ

И

ВСЕМIРНОЕ ЕДИНЕНIЕ НАРОДОВЪ.

Цѣна 25 коп.

Кооперативн. Издательск. Т-во Соц.-Революцiонеровъ
„РЕВОЛЮЦIОННАЯ МЫСЛЬ"
Петроградъ, Литейный проспектъ, 49.
1917.



Приватъ-доц. ПИТИРИМЪ СОРОКИНЪ.

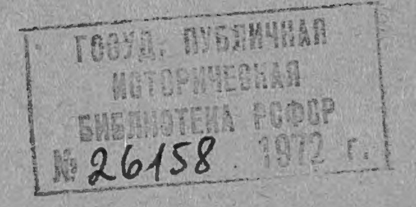
ВѢЧНЫЙ МИРЪ

и

всемірное единеніе народовъ.



Кооперативн. Издательск. Т-во Соціалистовъ-Революціонеровъ
„РЕВОЛЮЦІОННАЯ МЫСЛЬ“.
Петроградъ, Литейный пр., д. 49.
1917



Типографія Т-ва «Грамотность», 5 Рождественская, 44.

1.

„Si vis pacem—para bellum",—„если хочешь мира—готовься къ войнѣ", такъ гласило старое римское изреченіе. Прошли десятки, сотни и тысячи лѣтъ, народы усиленно слѣдовали этому рецепту, вооружались, готовились къ войнѣ, а вѣчнаго мира до сихъ поръ нѣтъ на землѣ. Рецептъ оказался негоднымъ. Та же проблема мира встаетъ и теперь.

По мѣрѣ того, какъ приближается конецъ войны, чаще и чаще начинаетъ раздаваться это слово. Вмѣстѣ съ этимъ чаще и чаще появляются различные проекты будущаго устройства международнаго положенія, при которомъ интересы всеобщаго мира были бы гарантированы.

Попробуемъ сосредоточить вниманіе на этихъ проектахъ основъ будущаго мира. Для ихъ разсмотрѣнія время настало. Жизнь властно требуетъ отвѣта на вопросы: 1) *какую цѣль должно преслѣдовать будущее устройство Европы и другихъ странъ, иначе,* какія начала должны быть положены въ основу проектовъ мира и международныхъ отношеній, и 2) *каковы тѣ пути и средства, которые лучше всего и легче всего ведутъ къ этой цѣли?*

Жизнь требуетъ отвѣта отъ всѣхъ, а не только отъ „сильныхъ

міра сего". Прошли тѣ времена, когда подданный представлялъ изъ себя безгласнаго обывателя, мнѣнія котораго не спрашивали, которому только приказывали. Исторія слишкомъ больно била этого „обывателя", чтобы онъ могъ остаться прежнимъ „нѣмымъ". Ошибки и аппетиты пастырей прежде всего отражались на немъ. Прежде всего, онъ своей шкурой расплачивался за эти ошибки; поэтому мудрено ли, что онъ захотѣлъ и говорить, а не только слушать. И въ добрый часъ! скажу я отъ себя. Если отъ него требуютъ: „все для войны", въ томъ числѣ и жизнь, то жертвующій всѣмъ, вплоть до своей жизни, имѣетъ право голоса и во всѣхъ вопросахъ, касающихся его собственныхъ судебъ и судебъ его государства. Данная война поглотила слишкомъ много жертвъ, чтобы и впредь можно было безучастно относиться къ вопросамъ войны и мира и предоставлять ихъ рѣшеніе однимъ управителямъ, безъ участія управляемыхъ. Пора объ этомъ говорить и говорить серьезно. Слишкомъ велика трагедія исторіи, чтобы можно было отъ нея отмахнуться или молчать.

Итакъ, какова же цѣль, которая должна лечь въ основу будущаго мира, служить путеводной звѣздой при детальной разработкѣ его условій?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ нетруденъ, и искренно или лицемѣрно, онъ формулируется всѣми одинаково. Этотъ отвѣтъ гласитъ: *основною цѣлью будущаго мира должно быть созданіе такихъ внутри и междугосударственныхъ отношеній, которыя всего прочнѣе гарантировали бы миръ на будущее время и дѣлали бы наименѣе возможной войну.*

Короче, цѣлью будущаго мира всѣми признается „миръ всего міра", если не на вѣки, то на наиболѣе продолжительное время.

Этотъ отвѣтъ мы слышимъ изъ устъ представителей государственной власти, съ трибуны парламента, съ газетныхъ страницъ— короче отовсюду. Другое дѣло—насколько искренно звучитъ онъ въ устахъ каждаго. Французскій ученый празъ, говоря: надо быть сумасшедшимъ, чтобы послѣ опыта этой войны думать, что война можетъ быть полезна какому-нибудь государству. Самая побѣдоносная война въ конечномъ итогѣ неспособна окупить

пожранныхъ ею жертвъ. Это вѣрно въ примѣненіи къ государству, но ошибочно въ примѣненіи ко всѣмъ государственнымъ группамъ. Факты налицо: передъ нами сотни и тысячи людей, наживших колоссальныя состоянія на трупахъ и крови своихъ ближнихъ.

Эти лица не имѣютъ основаній жаловаться на войну. Но и они теперь не осмѣливаются открыто славословить ее, и потому, искренно или лицемѣрно, вмѣстѣ съ другими повторяютъ и должны повторять, что цѣль будущаго мира—созданіе такихъ условій, которыя дѣлали бы войну невозможной...

Такова та основная задача, которая должна служить путеводной звѣздой при разработкѣ соотвѣтственныхъ проектовъ. Намъ остается только подписаться подъ ней и перейти къ слѣдующему вопросу: *а каковы тѣ пути, которые ведутъ къ этой цѣли?* Иначе говоря, какія начала должны лечь въ основу будущихъ междугосударственныхъ отношеній, чтобы эта цѣль была осуществлена?

Какая перестройка карты государствъ соотвѣтствуетъ всего болѣе этой цѣли? О чемъ заботиться и чего добиваться должны тѣ, кто будетъ вырабатывать эту карту? Вотъ вопросы, къ которымъ мы должны перейти сейчасъ.

2.

Если въ вопросѣ о главной цѣли будущаго мира всѣ согласны и единодушны, то никакъ нельзя того же сказать при обзорѣ отвѣтовъ на только что перечисленные вопросы. Здѣсь начинается разногласіе и разногласіе серьезное. Помимо трудности самаго дѣла, есть и добавочныя причины этого разногласія: отвѣтъ на главную цѣль будущаго переустройства карты Европы еще ни къ чему не обязываетъ. Отчего же не порисоваться своей гуманностью и своимъ миролюбіемъ, когда оно ничему не грозитъ и когда можно и „невинность соблюсти, и капиталъ пріобрѣсти“.

А общіе лозунги для этого чрезвычайно удобны. Кто же не говорилъ о прогрессѣ, о благѣ, о добрѣ, о свободѣ!

И сколько лицъ, бросая эти фразы направо и налѣво, прекрасно обирали ближняго своего, съ спокойной совѣстью давили тысячи людей и плясали канканъ на могилѣ своихъ жертвъ! Можетъ и теперь повториться та же исторія. И теперь многіе могутъ прикрыться красивыми словами для дѣлъ, несовсѣмъ согласныхъ съ первыми.

Поэтому, при разсмотрѣніи этихъ проектовъ, предназначенныхъ, якобы, для созданія на землѣ мира и въ человѣцѣхъ благоволенія, нужно быть особенно осторожнымъ и внимательнымъ.

Отбрасывая въ сторону всякія фантастическія построенія, въ дальнѣйшемъ я остановлюсь на разсмотрѣніи двухъ основныхъ проектовъ, каждый по своему дающихъ отвѣты на поставленные вопросы. Подъ ними я разумѣю проекты, построенные на принципахъ *государственномъ и національномъ*. Остановимся на первомъ.

Сущность его такова. Исходя изъ той же цѣли—созданія мира на землѣ и условій, гарантирующихъ его ненарушимость, теоретики „государственнаго начала" считаютъ, что эти цѣли могутъ быть достигнуты и при современной организаціи международныхъ отношеній. По ихъ мнѣнію, и впредь суверенныя, самостоятельныя государства останутся и должны остаться. И впредь каждое изъ нихъ должно быть верховнымъ судьей вопросовъ войны и мира. Нужно только такъ перегруппировать ихъ, чтобы ни одно изъ нихъ не могло угрожать общему миру. Средствами для этого служатъ: „надбавка" территоріи и усиленіе „надежныхъ", „честныхъ" и „мирныхъ" государствъ и ослабленіе (сбавка территоріи, уменьшеніе военной силы и т. д.) государствъ кровожадныхъ, воинственныхъ, стремящихся поставить силу надъ правомъ.

Къ этому рецепту кой-кто прибавляетъ еще рядъ другихъ, но они для этого проекта нехарактерны.

Характерная черта его та, что онъ оставляетъ въ сторонѣ вопросъ о коренномъ измѣненіи международныхъ отношеній, въ силу его невозможности или нежелательности, и совершенно не ставитъ вопроса: а не пора ли приступить къ созданію замирен-

ныхъ соединеній, болѣе обширныхъ, чѣмъ современное государство? Не пора ли думать о созданіи надгосударственной организаціи, включающей въ себя, въ качествѣ составныхъ частей, современныя государства?

Не ставя этого вопроса, теорія „государственнаго начала", сообразно съ этимъ послѣднимъ, перекраиваетъ и карту будущей Европы. Ея работа сводится къ весьма простой операціи: однимъ прирѣзать, у другихъ отрѣзать, однихъ наградить „навалкой", другихъ наказать „свалкой"—и... только. А въ дальнѣйшемъ все остается по-прежнему. Вотъ, собственно, сущность проекта. Правда, временами представители его говорятъ въ добавленіе еще многія красивыя слова, но... они въ счетъ не идутъ, такъ какъ на дѣлѣ оказывается, что эти слова ровно никакой роли въ планахъ перекройки не играютъ.

Спрашивается, кто же является сторонникомъ этой теоріи и ея представителемъ? Отвѣтъ простъ: ихъ много. Почти всѣ отвѣтственные руководители политики и союзныхъ, и враждебныхъ намъ государствъ стоятъ именно на почвѣ этой теоріи. Ее же исповѣдуютъ и неоффиціальные лидеры консервативныхъ и умѣренно-либеральныхъ теченій общественной мысли. Прочтите неоднократныя заявленія германской печати, германскаго канцлера, вчитайтесь въ смыслъ рѣчей англо-французскихъ министровъ, возьмите заявленія нашихъ политиковъ, или текстъ деклараціи союзниковъ въ отвѣтъ на ноту Вильсона—всюду вы увидите эту теорію, а не иную. Вездѣ въ конечномъ счетѣ дѣло сводится къ вопросу о прирѣзкѣ и пріобрѣтеніяхъ за счетъ враждебной коалиціи.

Германцы мечтаютъ отхватить елико возможно у союзниковъ, а послѣдніе—хотя и въ умѣренномъ объемѣ—у германской коалиціи. И каждая сторона при этомъ добавляетъ, что когда противникъ будетъ обезсиленъ, уничтожена будетъ угроза миру.

Вотъ собственно реальная сущность этихъ проектовъ. Въ видѣ десерта къ этимъ деклараціямъ присоединяется обычно пара „теплыхъ словъ" о правѣ каждаго государства на самоопредѣленіе, о святости правовыхъ договоровъ и конвенцій, но всѣ эти слова и остаются словами: какихъ-либо конкретныхъ, дѣловыхъ выводовъ

изъ нихъ не дѣлается, не указываются и гарантіи, способныя обезпечить осуществленіе этихъ добрыхъ пожеланій. Все дѣло повторяю, въ конечномъ итогѣ сводится къ „свалкѣ и навалкѣ", къ „скидкѣ и накидкѣ".

Таковъ первый проектъ „принудительнаго водворенія на вѣчное поселеніе" мира на землѣ, проектъ, построенный на государственномъ началѣ.

Рядомъ съ нимъ немалой популярностью пользуется и проектъ *національный*. Если „государственный" проектъ оставляетъ въ основныхъ чертахъ карту Европы и др. странъ въ старомъ видѣ, не уничтожая существующихъ и бывшихъ до войны государствъ, и ограничивается только „скидкой и накидкой", то планъ будущей перекройки карты Европы, построенный по національному принципу, идетъ уже дальше и вноситъ большія измѣненія въ будущее международныхъ отношеній. Его основнымъ принципомъ является положеніе: *каждая нація образуетъ государство*. Послѣдовательно проводя это начало, придется изъ него сдѣлать и надлежащіе выводы. Они будутъ такими: 1) тѣ изъ современныхъ государствъ, которые составлены изъ различныхъ націй (народовъ), какъ напр. Австрія, должны будутъ распасться на рядъ отдѣльныхъ государствъ: напр., венгерское, хорватское, чешское и т. д.; 2) тѣ изъ народовъ, которые до сихъ поръ входили въ составъ нѣсколькихъ государствъ: какъ напр., поляки, малоруссы, нѣмцы, тѣ же сербы и т. д., должны составить свое собственное государство или присоединиться къ своему національному государству: сербы Австріи—къ Сербіи, нѣмцы Австріи—къ Германіи, поляки Россіи, Австріи и Германіи—къ создаваемому Польскому государству и т.д. Какъ видимъ, національная теорія дѣйствительно вноситъ большія измѣненія въ существующую карту Европы. Здѣсь уже дѣло идетъ не только о скидкѣ и накидкѣ, но кой о чемъ большемъ: о дѣйствительной перекройкѣ международныхъ отношеній, и притомъ не по государственному, а по національному принципу. Мало того, послѣдовательно проводя эту точку зрѣнія, нужно было бы создать особыя государства и для такихъ націй, которыя, какъ евреи, не имѣли до сихъ поръ своей территоріи.

Эта теорія дана въ рядѣ проектовъ, исходящихъ изъ среды различныхъ представителей „національнаго самоопредѣленія". Она же усиленно (но не послѣдовательно) подчеркнута и въ нотѣ Вильсона; ее же, въ качествѣ корректива, можно встрѣтить и въ проектахъ „государственниковъ".

Таковы въ основныхъ чертахъ два основныхъ проекта, указывающихъ пути, ведущіе къ созданію „мира всего міра".

Разсмотримъ, насколько они пріемлемы съ точки зрѣнія этой цѣли и насколько способны достичь ее.

3.

Первое ихъ достоинство ихъ практичность и неутопичность. Они осуществимы. Они реальны и годны для даннаго времени. Этихъ достоинствъ отрицать за ними не приходится. Другое дѣло— ведутъ ли они къ поставленной цѣли—„къ миру всего міра". Въ этомъ отношеніи—они негодны. Они утопичны. Они нисколько не гарантируютъ мира и совершенно непригодны для „принудительнаго и вѣчнаго водворенія мира на землѣ". И не вѣчнаго, а просто—сколько-нибудь продолжительнаго и прочнаго. Ихъ осуществленіе рѣшительно неспособно улучшить интересы мира по сравненію съ состояніемъ Европы до войны. Вотъ итогъ оцѣнки этихъ проектовъ. Почему онъ таковъ, тому слѣдуютъ пункты.

Начнемъ съ *государственной теоріи.* Прежде всего спросимъ себя: *какія гарантіи мира даетъ намъ этотъ проектъ?* Гдѣ и въ чемъ видитъ онъ условія, которыя сдѣлали бы будущую войну невозможной?

Отвѣтъ гласитъ: этотъ проектъ не даетъ ровно никакихъ новыхъ гарантій по сравненію съ довоеннымъ періодомъ исторіи. Онъ, по существу, оставляетъ старыя основы международныхъ отношеній и только А такъ какъ при старомъ порядкѣ войны не исчезали, то, слѣдовательно, нѣтъ никакихъ данныхъ, которыя говорили бы, что при сохраненіи ихъ войны исчезнутъ въ буду-

щемъ. Вотъ собственно простое соображеніе, ясно вскрывающее всю утопичность этого проекта въ отношеніи достиженія цѣли— мира всего міра. По-прежнему остаются государства. Не создается никакой надгосударственной силы, которая могла бы заставить подчиниться рѣшенію третейскаго международнаго суда спорящія государства. Единственной гарантіей мира становится добрая воля государствъ. Не сомнѣваюсь, что послѣ войны она будетъ на-лицо: слишкомъ ужъ устало человѣчество отъ нея. Но пройдетъ 10—20 лѣтъ, раны заживутъ, ужасы войны поблекнутъ, и гдѣ тогда гарантія, что то или иное государство не вздумаетъ снова поднять оружіе? Одна добрая воля при современномъ уровнѣ человѣчества— гарантія весьма ненадежная. Если мы въ внутри-государственныхъ отношеніяхъ требуемъ, чтобы за нормами права и приговорами суда стояла сила, способная подчинить имъ нежелающихъ подчиняться, то тѣмъ болѣе это необходимо въ области международныхъ отношеній, гдѣ до сихъ поръ еще царствуетъ принципъ насилія. Короче, добрая воля государства или союза ихъ—не гарантія. Полагаться на нее—это значитъ строить карточный домикъ.

Остаются далѣе принципы Вестфальскаго (послѣ тридцатилѣтней войны)—1648 года, Утрехтскаго—1713 года и Вѣнскаго (1814—15 г.г.) конгрессовъ: начала политическаго равновѣсія и вооруженнаго мира, то есть тѣ два начала, на которыхъ до сихъ поръ покоились международныя отношенія. Критиковать ихъ негодность въ качествѣ гарантій мира нѣтъ надобности. Все 19-е и 20-е столѣтія представляютъ ихъ сплошную критику: милитаризмъ росъ, войны не уничтожились, даже не уменьшились. Какъ ни переставляли дипломаты государственныя шашки, дѣло въ итогѣ кончалось войной. Въ силу этого нѣтъ основаній полагать, что эти принципы и впредь могутъ удержать людей отъ войны.

Но, быть можетъ, тогда противоположные принципы „дадутъ народамъ миръ, а жизни свѣтлый строй“? Именно принципы не политическаго равновѣсія, а какъ разъ обратные—*политическаго неравновѣсія*, въ силу которыхъ одно государство или группа государствъ будетъ гораздо сильнѣе другого или другихъ группъ и потому будетъ въ состояніи диктовать свою волю? Если бы это

было, такъ, то, оставаясь на почвѣ той же государственной теоріи, можно было бы, повидимому, дать прочныя гарантіи мира. Но, увы, и это утопія. Исторія даетъ не мало такихъ попытокъ, начиная съ подвиговъ Ассурназирабала и кончая проектами Наполеона и недавними мечтами Германіи, въ видахъ мірового господства начавшей войну, и мы знаемъ, а въ наши дни видимъ, что эти проекты всегда кончались неудачей. Вмѣсто мира въ итогѣ они давали войну. Вмѣсто покорнаго подчиненія слабыхъ, они вызывали ихъ возстаніе, кончавшееся рано или поздно сверженіемъ власти государства-деспота.

Развѣ не постоянно мы слышимъ и слышали теперь изъ устъ отвѣтственныхъ руководителей союзныхъ съ нами государствъ, что союзники взялись за оружіе именно потому, чтобы свергнуть иго Германіи и германской коалиціи. И въ этихъ заявленіяхъ есть доля правды. Почему же, не говоря уже о германцахъ, сами же они часто забываютъ объ этомъ, какъ забываютъ и всѣ тѣ, которые подъ лозунгомъ: „война до побѣды" понимаютъ полное обезсиленіе врага и возможность диктовать ему свои условія, сводящіяся опять таки къ „вырыванію зубовъ и жала" и „обезвреженію" врага путемъ захвата его территоріи, распыленія его на части, срытія его крѣпостей и т. д., и т. д.

Все это, вѣдь, прямое осуществленіе той же программы принудительнаго господства надъ другими одного ли государства или союза ихъ. Почему опытъ, никогда не удававшійся въ исторіи, долженъ кончиться удачей теперь? Допустимъ, что эти захватныя вожделѣнія, такъ рѣзко противорѣчащія принципу равенства націй и оборонительной войны—удадутся. Гдѣ же гарантіи, что это господство не превратится въ тотъ же деспотизмъ? Добрая воля? Мы уже видѣли, чего она стоитъ. Фактъ, что здѣсь дано господство не одного государства, а коалиціи государствъ? Мы знаемъ, что коалиція—сегодня жива, а завтра—умерла. Болгары, сербы и греки въ 1912 г. образовали одну коалицію, а черезъ годъ передрались другъ съ другомъ. Гдѣ гарантія, что сегодня согласные члены коалиціи, завтра тоже не передерутся между собой на почвѣ ли дѣлежа добычи или на какой другой? Гарантій нѣтъ, построеніе утопично и потому не ведетъ къ

цѣли. Мало того, намъ думается, что побѣдоносный конецъ данной войны, соединенный съ разгромомъ другой стороны, лишь добавочный поводъ для скорой новой схватки: у одной стороны онъ вызоветъ гордость, деспотизмъ и желаніе удержать добычу, у другой—обиду, горечь и желаніе реванша. Примѣръ Франціи, не забывшей 1871 г. до сихъ поръ, на-лицо. Гдѣ же здѣсь условія, благопріятствующія миру и способныя быть прочной гарантіей для него? Ихъ нѣтъ, а потому и *весь проектъ государственнаго начала представляетъ путь, неспособный дать миръ всего міра и потому—утопичный въ данномъ отношеніи.* Онъ легко осуществимъ, ибо ничего не мѣняетъ по сравненію со старымъ укладомъ, но ведетъ онъ не къ миру, а къ войнѣ, и потому искренніе его сторонники должны быть послѣдовательны и не должны прикрывать свои вожделѣнія красивыми, но фальшиво звучащими въ ихъ устахъ фразами о мирѣ.

Вотъ, вкратцѣ, основанія, въ силу которыхъ я считаю этотъ проектъ негоднымъ для достиженія указанной цѣли.

2) *Теперь перейдемъ къ національному проекту.* Вѣнскій конгрессъ 1814—15 г.г., несомнѣнно, сдѣлалъ великую ошибку полнымъ игнорированіемъ національнаго принципа и права всякаго соціальнаго союза, объединеннаго единствомъ языка, исторіи, традиціи и культуры, образовывать единыя соціально-политическія тѣла. Собиравшійся и правившій въ то время ареопагъ Европы произвольно раздиралъ соціально-единые организмы на лоскутья и соединялъ въ одно тѣло совершенно разнородныя части. И послѣдствія этой ошибки сказались въ 19 вѣкѣ. Исторія на свой страхъ и рискъ стала поправлять ее путемъ войнъ, повлекшихъ за собой образованіе единаго Итальянскаго государства, объединеніе Германіи, освобожденіе Греціи и образованіе балканскихъ государствъ, т. е. сплоченіе въ одно цѣлое соціально-однородныхъ частей, разрозненныхъ Вѣнскимъ конгрессомъ, и распадъ государствъ, составленныхъ изъ разнородныхъ элементовъ. Въ этомъ смыслѣ весь 19 вѣкъ стоитъ подъ знакомъ „національныхъ движеній“.

Но слѣдуетъ ли изъ этого, что это движеніе должно быть доведено до конца, и что ему въ жертву должны быть принесены всѣ

остальные принципы? Вѣроятно ли также, что перекройка политической карты по національному принципу есть путь, ведущій къ миру всего міра?

Я рѣшительно ничего не имѣю противъ національныхъ движеній, противъ права каждой націи на культурную автономію и право равенства среди остальныхъ націй. Не только не имѣю противъ, но, напротивъ, такія явленія всецѣло привѣтствую.

Иначе обстоитъ дѣло, когда во имя этого принципа зачеркиваются остальныя цѣнности культуры, когда онъ берется въ качествѣ единственнаго мѣрила соціальнаго прогресса и когда, наконецъ, его выдвигаютъ, какъ спасительный ключъ для устройства будущей политической карты и для водворенія мира на землѣ.

Въ этихъ отношеніяхъ можно съ нимъ не соглашаться, можно и должно его оспаривать. Основанія этого положенія таковы.

Прежде всего, всѣ опасности для мира, которыми обладаетъ теорія „государственнаго принципа", свойственны и данному проекту. Допустимъ, что онъ осуществленъ, и политическая карта Европы распалась на рядъ самостоятельныхъ государствъ, состоящихъ изъ членовъ одной или близкихъ между собою націй. Мы получаемъ то же самостоятельное государство, не подчиненное никакой надгосударственной организаціи. Гдѣ же гарантія, что въ одинъ прекрасный день одно изъ такихъ національныхъ государствъ не вздумаетъ напасть на другое и поживиться за счетъ послѣдняго? Гарантій нѣтъ. Скажутъ: этого не можетъ быть, ибо это будетъ государство національное, составленное изъ элементовъ сродныхъ? На это я отвѣчу примѣромъ Германіи. Развѣ послѣдняя не являлась такимъ національнымъ государствомъ, составленнымъ изъ нѣмцевъ, и, однако, развѣ не она оказалась наиболѣе воинственнымъ изъ всѣхъ государствъ? Развѣ помѣшалъ также „національный характеръ" Итальянскаго государства напасть послѣднему на Триполи и Турцію?

Короче, національный характеръ государства самъ по себѣ не даетъ рѣшительно никакихъ гарантій его миролюбія. Скорѣе даже наоборотъ: усиленное культивированіе націонализма способно вызвать переразвитіе такъ называемого національнаго чувства,

взаимное соперничество, національный эгоизмъ и стремленіе поработить и угнетать остальныя народности. Примѣръ той же Германіи и нашихъ „истинно-русскихъ“ націоналистовъ, типа Маркова II, тому доказательство. А неодинаковое могущество будущихъ государствъ, построенныхъ по національному принципу, будетъ только добавочнымъ побудительнымъ поводомъ, толкающимъ сильную національность поднять оружіе противъ слабой. Остается въ итогѣ въ качествѣ гарантіи лишь „добрая воля“ и „миролюбіе“, но мы уже видѣли, насколько призрачна эта гарантія. Если бы судьи, вынося приговоръ, предоставляли его исполненіе „доброй волѣ“ и „совѣсти“ преступника, 90% приговоровъ осталось бы не приведенными въ исполненіе. Это очень грустно, но фактъ. Очень грустно, что и въ международныхъ отношеніяхъ для гарантій мира и права требуется еще сила, но тѣмъ не менѣе это такъ. Пророчество Исаіи и Михея еще далеко отъ исполненія.

Выходитъ, слѣдовательно, что и національный проектъ не является панацеей (спасительнымъ средствомъ) противъ войны.

Но, помимо этого недостатка, этотъ проектъ страдаетъ еще рядомъ другихъ недочетовъ, дѣлающихъ его въ чистомъ видѣ рѣшительно утопичнымъ.

Допустимъ, что мы пожелали перекроить политическую карту по національному принципу. Спрашивается, что же считать критеріемъ послѣдняго? По какому признаку будемъ мы объединять людей въ одну націю-государство? По языку? Но тогда Бельгію пришлось бы раздѣлить пополамъ на государства „валлонское“ и „фламандское“, Англію и С.-А. С.-Штаты пришлось бы объединить въ одно государство, Швейцарію пришлось бы также упразднить, раздѣливъ ее между Франціей, Германіей и Италіей. А такія „разноязычныя“ государства, какъ Великобританская имперія или Россія, пришлось бы раздробить на сотни отдѣльныхъ государствъ: напр., послѣднюю на мордовское, малорусское, самоѣдское, латышское, грузинское, литовское и т. д. Въ итогѣ мы получили бы такую картину, нелѣпѣе и утопичнѣе которой нельзя было бы ничего выдумать.

Но, можетъ быть, можно выбрать другой признакъ національности? Напр., единство крови. Отвѣтъ получится тотъ же: я считаю Ивана Петрова своимъ по національности вовсе не потому, что я изслѣдовалъ химическій составъ его крови или прослѣдилъ до Адама нашихъ родителей и предковъ. Такъ же мало годны въ качествѣ такого признака національности и другіе критеріи: религія, общность экономическихъ интересовъ, „единство нравовъ", „единство традицій" и др. смутные и неясные лозунги, постоянно повторяемые, но точный смыслъ которыхъ едва-ли знаетъ хоть одинъ повторяющій [1]).

Разъ нѣтъ даже точнаго критерія, по которому можно было бы отнести людей къ той или иной національности, ясно, что строить на этомъ принципѣ будущую политическую карту—дѣло ненадежное и фантастическое въ квадратѣ. Если же этотъ признакъ и удалось бы найти, напр., языкъ, мы видѣли, какой хаосъ наступилъ бы въ итогѣ такой перекройки карты и какъ мало выиграли бы отъ этого дѣло мира и интересы уничтоженія войны.

Если, наконецъ взять въ качествѣ такого признака просто субъективное отнесеніе себя каждымъ индивидомъ къ той или иной національности, то и это не рѣшаетъ дѣла. Опредѣлить это субъективное отнесеніе можно было бы лишь путемъ опроса (плебисцита), Но извѣстно, какъ легко поддѣлать его итоги и какъ опасенъ этотъ пріемъ. Наконецъ, въ областяхъ со смѣшаннымъ этническимъ составомъ положеніе получилось бы прямо безвыходное,— или же пришлось бы вырѣзать государства меньше одной волости. Мало того, въ этихъ національныхъ государствахъ положеніе малочисленныхъ народностей можетъ оказаться чрезвычайно сквернымъ. Онѣ, предоставленныя вѣдѣнію главенствующей національности, легко могутъ быть ограничены въ правахъ и

---

[1]) Не имѣя возможности подробнѣе останавливаться здѣсь на понятіи національности, я отсылаю читателя къ своей статьѣ: „Національность, націон. вопросъ и соціальн. равенство" (Народная Мысль, № 2).

превращены въ объектъ притѣсненій Такъ было въ Германіи по отношенію къ полякамъ, такъ же было и въ рядѣ другихъ государствъ. Сказаннаго достаточно, чтобы признать непріемлемымъ и національный проэктъ.

Помимо указанныхъ недостатковъ, оба разсмотрѣнныхъ проекта непріемлемы еще и потому, что оба они смотрятъ назадъ, а не впередъ, оба реакціонны, а не прогрессивны.

Въ исторіи мы наблюдаемъ постоянный фактъ, извѣстный подъ названіемъ *роста и расширенія соціально-замиренныхъ группъ или расширенія „идеи ближняго“*. Въ древности замиренныя группы, между членами которыхъ не дозволялось вести войну, были очень небольшія и охватывали лишь 40—100 членовъ. Каждая изъ такихъ группъ вела войну со всѣми остальными. Сфера „мира“, однако, съ поступательнымъ ходомъ исторіи росла. Съ теченіемъ времени замиренные внутри группы стали насчитывать тысячи, сотни тысячъ и милліоны членовъ. Въ настоящее время такія значительныя группы, какъ Россія, насчитываютъ чуть не двѣсти милліоновъ членовъ. Это расширеніе шло параллельно съ поглощеніемъ болѣе мелкихъ группъ болѣе обширными. Мелкія первобытныя группы (тотэмы и роды) были поглощены болѣе обширнымъ территоріально-племеннымъ союзомъ, племена поглотились болѣе обширными государствами, изъ менѣе крупныхъ государствъ образовались современныя гигантскія государства.

Если бы не было этого послѣдняго процесса, не было бы и и расширенія самихъ соціально-замиренныхъ круговъ. Если бы и теперь, какъ и въ прошломъ, существовало безконечное число мелкихъ государствъ, войны были бы явленіемъ постояннымъ и непрерывнымъ, какъ непрерывно шли онѣ въ прошломъ. Отсюда выводъ: для того, чтобы предѣлы замиреннаго внутри союза еще болѣе расширились, очевидно, необходимо образованіе какого то политическаго тѣла, еще болѣе грандіознаго, чѣмъ современное государство. Иначе—требуется какая то надгосударственная организація, по отношенію къ которой современныя государства играли бы лишь роль составныхъ частей. Если такая организація будетъ

дана—мы получимъ и расширеніе сферы мира, если нѣтъ—дѣло мира ничего не выигрываетъ.

Приглядываясь съ этой точки зрѣнія къ разсмотрѣннымъ проектамъ, мы видимъ, что они не только не предполагаютъ созданія такой болѣе обширной организаціи, а наоборотъ, въ особенности національный проектъ, предполагаютъ распыленіе уже создавшихся обширныхъ замиренныхъ политическихъ тѣлъ на рядъ болѣе мелкихъ самостоятельныхъ государствъ. Иначе—уменьшаютъ уже существующія замиренныя группы и создаютъ большее количество новыхъ, а тѣмъ самымъ и большее число поводовъ для взаимныхъ столкновеній и войнъ. Колесо исторіи они поворачиваютъ назадъ, ведутъ снова къ раздробленію, послѣ котораго должно настать снова объединеніе, т. е. достиженіе путемъ войнъ того, что было достигнуто — современнаго положенія. Отъ такой операціи дѣло мира не выигрываетъ, а проигрываетъ. Поэтому то я и назвалъ оба эти проекта реакціонными, не ведущими къ миру всего міра, а скорѣе отдаляющими отъ него.

4.

Гдѣ же исходъ? Встаетъ вопросъ. Отвѣтъ самъ собой вытекаетъ изъ сказаннаго. Очевидно, *необходимымъ условіемъ сохраненія мира между государствами является созданіе надгосударственнаго союза, въ составъ котораго отдѣльныя государства входили бы лишь въ качествѣ отдѣльныхъ членовъ, иначе—объединеніе существующихъ государствъ въ одно сверхъ-государство.* Внѣ этого условія—прочный и „вѣчный“ миръ невозможенъ.

Чувствую уже заранѣе ироническую улыбку скептическаго читателя. «Все это хорошо и, пожалуй, все это вѣрно, скажутъ намъ въ отвѣтъ, но... все это чистая утопія, явно неосуществимая въ данное время и въ близкомъ будущемъ».

Отвѣчаю: несомнѣнно, осуществленіе этого проекта дѣло безконечно болѣе трудное, чѣмъ «скидки и накидки». Согласенъ и съ тѣмъ,

что въ полномъ видѣ это созданіе сверхгосударства въ данный моментъ немыслимо. Но настаиваю на томъ, что если человѣчество хочетъ прочнаго мира, ему придется осуществить этотъ проектъ. Иного пути къ этой цѣли не дано. Настаиваю также и на томъ, что если не въ полномъ видѣ, то въ значительной своей части эта „утопія" осуществима и въ ближайшее время. Выясненію этихъ пунктовъ и будутъ посвящены послѣдующія строки.

Что къ этому созданію сверхгосударства ведетъ исторія, доказательствомъ служитъ указанный уже выше фактъ роста внутризамиренныхъ группъ. Начавшись въ древности съ союзовъ въ 40—100 членовъ, онѣ достигли въ настоящее время размѣра громадныхъ государствъ въ 100, 200 милліоновъ человѣкъ. Иными словами, замиренныя группы увеличились почти въ 2,000,000 разъ. Этотъ процессъ расширенія замиренныхъ группъ былъ постояннымъ въ исторіи; гдѣ же основаніе полагать, что онъ остановится на достигнутомъ уровнѣ и не пойдетъ дальше, объединяя въ одно замиренное цѣлое современныя государства, какъ въ прошломъ слились въ одинъ замиренный союзъ роды, племена и народы? Такихъ основаній нѣтъ, поэтому указанный путь диктуется самой исторіей. Для того, чтобы объединить все человѣчество, нужно расширеніе замиренныхъ группъ уже не въ 2,000,000 разъ, а только въ десять разъ; какъ видимъ, путь остался сравнительно небольшой.

Есть и другія основанія, приводящія къ тому же результату. Эти основанія сводятся *къ полному сходству развитія и укрѣпленія права во внутри-государственныхъ отношеніяхъ и въ отношеніяхъ между-государственныхъ.* Развитіе порядка и права въ государствѣ означаетъ не что иное, какъ замѣну произвольныхъ и основанныхъ только на голой силѣ отношеній между людьми и отдѣльными группами — правилами, обязательными для всѣхъ членовъ государства — и сильныхъ, и слабыхъ; иначе — замѣну произвола и абсолютизма обязательными нормами права. И не голыми нормами только, но и созданіемъ силы, способной проводить эти правила въ жизнь и подчинять имъ принудительно всѣхъ тѣхъ, кто не захотѣлъ бы под-

чиняться. Какъ теперь въ области междугосударственныхъ столкновеній споръ рѣшаетъ сила и война, такъ и въ прошломъ—не было никакого суда, рѣшавшаго споръ между отдѣльными лицами. Столкновеніе между ними рѣшала сила ихъ самихъ въ видѣ войны между ними или кровавой мести. Всякій былъ судьей своего дѣла. Кто былъ силенъ — тотъ и правъ. И что же? Такой порядокъ мало-по-малу исчезъ. Мѣсто кровавой мести занялъ сначала *третейскій судъ посредниковъ*, выбиравшихся спорящими сторонами. Вначалѣ за рѣшеніями этого суда *не было никакой силы*: недовольная приговоромъ сторона могла не подчиниться ему и прибѣгнуть снова къ силѣ. Но и этотъ порядокъ исчезъ: скоро рѣшенія суда стали *обязательными* для спорящихъ и приводились въ исполненіе принудительно, помимо воли и желанія недовольной приговоромъ стороны. За рѣшеніями суда поставлена была сила. Какъ извѣстно, такъ обстоитъ дѣло теперь. Такимъ образомъ, положенъ былъ конецъ самоуправству и войнѣ между членами государства, и водворенъ былъ порядокъ. По тому же пути идетъ развитіе права и порядка и въ международныхъ отношеніяхъ. До недавняго времени столкновенія государствъ рѣшались исключительно силой—войной. Но въ 19 вѣкѣ уже обозначился переходъ ко второй стадіи—*къ рѣшенію споровъ третейскимъ судомъ*. Образовался въ Гаагѣ третейскій международный судъ, къ которому и должны были государства обращаться въ случаѣ столкновеній. И исторія междугосударственныхъ конфликтовъ за послѣднія 70—80 лѣтъ показываетъ, что при рѣшеніи споровъ между государствами обращеніе къ третейскому суду, а не къ войнѣ, все болѣе и болѣе учащается. И лишь въ крайнихъ случаяхъ спорящая сторона обращается къ оружію. Теперь, очевидно, насталъ моментъ, когда рѣшеніе споровъ судомъ въ международныхъ отношеніяхъ должно перейти къ „третьему" этапу своего развитія, къ тому, чтобы за *рѣшеніями этого третейскаго суда стояла сила, способная подчинить себѣ непокорное государство и лишить послѣднее возможности рѣшать споръ силой и самоуправствомъ*. Къ этому состоянію привело развитіе внутригосударственнаго суда, къ нему же ведетъ исторія и развитіе междугосударственнаго суда. А

когда это положеніе дѣла будетъ достигнуто, тѣмъ самымъ и будетъ положенъ краеугольный камень объединенію всѣхъ государствъ въ одно сверхгосударство, т. е. къ осуществленію „утопіи" въ жизни. Такимъ образомъ, эта „утопія" и уже не столь утопична. За нее говоритъ сама исторія. «Въ созданіи этого международнаго суда, за рѣшеніями котораго стояла бы сила, способная сломить волю непокорнаго и воинственнаго государства—и состоитъ задача момента. Если его удастся создать—главная гарантія мира будетъ дана, если нѣтъ—остается «старое корыто».

Сообразно съ этимъ опредѣляются и ближайшія задачи будущаго конгресса. Вкратцѣ онѣ рисуются такъ.

1) Должны быть формулированы на немъ, прежде всего, двѣ основныя правовыя нормы: а) рѣшеніе междугосударственныхъ споровъ и столкновеній войной—недопустимо (какъ недопустимо теперь рѣшеніе столкновеній между людьми местью); б) въ случаѣ какихъ бы то ни было столкновеній государства обязываются передавать рѣшеніе спора международному суду и берутъ обязательство подчиниться его приговору. Вотъ собственно двѣ основныя нормы, которыя должны быть формулированы и приняты на этомъ конгрессѣ.

Ихъ принятіе означаетъ замѣну принципа силы—правомъ. Ихъ исполненіе и ненарушимость означаетъ уничтоженіе войны и водвореніе мира.

Все это хорошо, устанавливать нормы—дѣло нетрудное, скажетъ опять скептическій читатель, но гдѣ же гарантіи, что государство подчинится рѣшенію и, подписавши обязательство, не нарушитъ его? Опять та же высмѣянная вами „добрая воля"?

Вопросъ важный—въ рѣшеніи его и состоитъ вся суть дѣла. Однако онъ не такъ безнадеженъ, какъ кажется съ перваго раза; во всякомъ случаѣ теперь уже данъ рядъ проектовъ, въ значительной мѣрѣ разрѣшающихъ эту трудность.

Одни предлагали создать спеціальную международную армію, достаточно сильную, чтобы принудить непокорное государство подчиниться рѣшенію международнаго суда.

Этотъ проектъ, очевидно, утопиченъ. Изъ кого и чего будетъ

набираться эта армія? Изъ солдатъ отдѣльныхъ государствъ? Но при войнѣ своего отечества съ другими—они не пойдутъ противъ своей родины. Изъ наемниковъ, навербованныхъ спеціально для этой арміи? Но трудно столько людей навербовать, нельзя этого сдѣлать безъ согласія тѣхъ же государствъ, нельзя ихъ содержать,—если не отпустятъ деньги тѣ же отдѣльныя государства.

Проектъ приходится отбросить.

Въ данное время, когда созданіе сверхгосударства еще не воплощено въ жизнь, наиболѣе осуществимой и наиболѣе дѣйствительной системой созданія силы за рѣшеніями международнаго суда представляется система, выдвинутая рядомъ французскихъ ученыхъ.

Ея основанія и сущность сводятся къ слѣдующему.

Главнымъ основаніемъ этой системы является собственный интересъ каждаго государства, достигнутая степень культуры и уроки современной войны.

Какъ никакъ, но все же мы давно уже достигли той высоты культуры, когда идея человѣчества вошла въ наше сознаніе и стала его неотъемлемой принадлежностью. Жизнь давно перешла границы государства. Рядомъ интересовъ—моральныхъ, научныхъ политическихъ, экономическихъ, эстетическихъ и т. д.—мы связаны со всѣмъ человѣчествомъ, и эти связи растутъ изо дня въ день, все тѣснѣе и тѣснѣе сближаютъ государства другъ съ другомъ. Всякій перерывъ ихъ—какимъ является война—отражается не только на воюющихъ государствахъ, но и на всѣхъ остальныхъ; наноситъ непоправимый ущербъ и не воюющимъ. Поэтому сохраненіе мира—всеобщій интересъ. Война—всеобщій ущербъ. „Своимъ ближнимъ“ мы считаемъ теперь уже всѣхъ. Заповѣдь „не убій“ наше сознаніе распространяетъ не только на своихъ соотечественниковъ, но и на всѣхъ людей. О всякихъ научныхъ, религіозныхъ, политическихъ, эстетическихъ интересахъ и задачахъ—нечего и говорить. Для процвѣтанія ихъ необходимо постоянное международное общеніе. Предѣлы союзовъ, преслѣдующихъ эти интересы, давно вышли изъ границъ государства. Число международныхъ союзовъ растетъ каждый день. Всѣ эти

интересы — собственные интересы каждаго государства. Поэтому война — зло для каждаго изъ нихъ.

При современныхъ же условіяхъ — не можетъ быть войны, которая не отражалась бы на судьбѣ невоюющихъ государствъ.

Въ государствѣ - въ сохраненіи права заинтересованы всѣ члены. Ростъ преступленій и безправія прямо или косвенно является ущербомъ для каждаго гражданина, хотя бы онъ и не сталъ жертвой убійства, кражи, насилія и т. д. Тоже и тутъ. Современная война особенно ясно показала, что отъ нея страдаютъ не только воюющія, но и нейтральныя государства. Изъ газетъ мы каждый день узнаемъ, что и послѣднія страдаютъ отъ той же дороговизны, недостатка продуктовъ, разстройства хозяйственной и всей культурной жизни, отъ прекращенія сообщеній, потопленія судовъ и т. д. Поэтому сохраненіе мира и недопущеніе войны — интересъ каждаго государства.

Но мало того. Та же война показала, что она *невыгодна и для воюющихъ государствъ*, что она вообще негодное средство для достиженія экономическихъ выгодъ. Какъ бы побѣдоносно ни кончилась война, самый лучшій исходъ ея не въ состояніи возмѣстить нанесенный ею ущербъ. Какими деньгами можно купить милліоны убитыхъ здоровыхъ людей? Переведите на деньги хотя бы одинъ ихъ заработокъ за это время. Онъ составитъ колоссальную сумму. А чего стоятъ снаряды, оружіе и пр. средства войны? Чего стоятъ разрушенные города и села, опустошенныя поля, растоптанныя нивы? Чѣмъ можно окупить разстройство хозяйственной и всей культурной жизни всего міра? Я ужъ не говорю о страданіяхъ, слезахъ и горѣ людей: они для „матеріалистовъ“ не имѣютъ денежнаго курса. Чего стоитъ обезлюденіе и обезкровленіе народа? Высчитайте все это, подведите итогъ и спросите себя: въ состояніи ли все это оплатиться какимъ-нибудь кускомъ захваченной территоріи, или свободнымъ выходомъ къ морю, или милліардной контрибуціей, или повышеніемъ 5—10% прибыли съ продаваемыхъ на иностранныхъ рынкахъ товаровъ?

Короче — *война теперь экономически невыгодна для побѣдителя при самомъ побѣдоносномъ исходѣ,* если только силы

сталкивающихся сколько-нибудь равны [1]). Данная война особенно ясно показала это. Если же одно изъ сталкивающихся государствъ значительно сильнѣе другого, то прямой интересъ остальныхъ государствъ не допускать здѣсь нападенія и, въ случаѣ послѣдняго, вмѣшаться въ пользу слабаго; иначе сегодня одно государство будетъ жертвой, а завтра ею могутъ сдѣлаться и „нейтральные" зрители.

Спрашивается поэтому, гдѣ же реальныя основанія, которыя толкали бы государство на войну вообще? Ихъ нѣтъ, и собственный интересъ государствъ диктуетъ имъ созданіе силы за международнымъ судомъ, обращеніе къ которому должно замѣнить собой войну при междугосударственныхъ спорахъ. Разъ эта почва готова—мыслимо и созданіе силы за рѣшеніями этого суда, силы, способной наказать государство-преступника, нарушающаго вышеприведенныя нормы будущаго международнаго права.

Этой силой должна быть сила всѣхъ государствъ, кромѣ государства-нарушителя.

Такъ какъ всѣ они заинтересованы въ мирѣ, и такъ какъ при современномъ положеніи ни одно изъ нихъ не гарантировано отъ внезапныхъ нападеній и всѣхъ бѣдъ войны, то въ силу этого всѣ должны заключить круговую поруку, не въ видѣ добраго пожеланія только, а въ видѣ обязательнаго договора: въ случаѣ нарушенія мира какимъ-либо государствомъ, объединить свои силы противъ этого государства преступника, какъ общество соединило свои силы противъ преступника-человѣка. Всякое обращеніе къ оружію должно немедленно повлечь за собой *разрывъ сношеній всѣхъ государствъ* (а не только того, на кого собираются напасть) *съ этимъ государствомъ преступникомъ*. Этотъ разрывъ равносиленъ бойкоту: всѣ сношенія—экономическія, политическія и т. д.—прекращаются. Государство-нарушитель остается въ полной

[1]) Я не останавливаюсь подробнѣе на экономическихъ интересахъ, въ виду того, что этому вопросу въ журналѣ будетъ посвящена особая статья.

изолированности. Его экономич. жизнь должна совершенно пасть, то же случится и во всѣхъ иныхъ отношеніяхъ. Благодаря одной этой мѣрѣ государство будетъ обезсилено. Мало того, одной такой угрозы будетъ достаточно, чтобы пресѣчь всякія воинственныя поползновенія. Если же, паче чаянія, эта мѣра будетъ недостаточна, всѣ эти государства должны итти до-конца: выставить совокупныя вооруженныя силы противъ силы государства-насильника. Такъ какъ эти совокупныя силы будутъ всегда больше силы одного, хотя бы и самаго крупнаго государства, то такая угроза, а тѣмъ болѣе—ея исполненіе, будетъ достаточной гарантіей для сохраненія мира и подчиненія отдѣльныхъ государствъ рѣшенію международнаго суда. Такимъ образомъ создается зачатокъ той надгосударственной силы и организаціи, которая, какъ я указалъ, дастъ возможность создать сверхгосударство и расширить т. о. сферу мира, если не на все человѣчество, то на большую часть его. Вотъ собственно сущность наиболѣе осуществимаго проекта созданія международной силы для охраны мира и для подчиненія государствъ указаннымъ выше нормамъ международнаго права.

При господствѣ этого порядка всякій споръ между государствами долженъ будетъ передаваться на рѣшеніе указаннаго международнаго суда. Каковъ будетъ составъ его и какъ онъ будетъ организованъ—здѣсь не мѣсто развивать подробно; разработкой этихъ вопросовъ и долженъ, по моему мнѣнію, прежде всего заняться будущій конгрессъ мира. Отъ себя замѣчу лишь, что для его организаціи можно воспользоваться; съ одной стороны, примѣромъ Гаагскаго суда, съ другой—примѣромъ устройства государственныхъ органовъ Германской имперіи и федеральнаго союза Сѣв.-Ам. Соед.-Штатовъ (имперскій судъ, рейхстагъ и союзный совѣтъ). Опытъ Германіи, состоящей изъ отдѣльныхъ государствъ, показываетъ, что можно объединить въ одно цѣлое рядъ государствъ, оставляя самостоятельность каждаго изъ нихъ въ извѣстныхъ предѣлахъ. Тотъ же опытъ показываетъ, что можно создать надгосударственные органы, несмотря на различіе политическаго уклада въ отдѣльныхъ государствахъ.

Въ данномъ случаѣ требуется лишь повтореніе того, что сдѣ-

лано было при созданіи Германской имперіи въ 1871 г., но лишь въ болѣе широкомъ объемѣ и съ нѣкоторыми поправками, согласными съ интересами демократіи, которые отсутствуютъ въ организаціи Германіи.

Прекраснымъ образцомъ далѣе можетъ служить и организація федеральнаго высшаго суда С.-А. С.-Штатовъ, вѣдающаго вопросы спора и столкновеній между отдѣльными штатами.

Несомнѣнно, этотъ проектъ пока намѣченъ лишь въ общихъ чертахъ, несомнѣнно, также, что абсолютной гарантіей мира онъ не является. Но изъ возможныхъ проектовъ онъ наиболѣе дѣйствителенъ и даетъ все же значительныя гарантіи. Ясно также, что онъ и не такъ утопиченъ. При достаточной искренности и энергіи, думается, онъ вполнѣ осуществимъ и теперь. Конечно, его осуществимость болѣе трудна, чѣмъ ничего не мѣняющихъ проектовъ государственнаго или національнаго начала. Послѣдніе легче проводимы, но зато они не создаютъ никакихъ гарантій мира.

Когда же удастся воплотить этотъ проектъ въ жизнь, — тѣмъ самымъ сдѣланъ будетъ труднѣйшій шагъ къ созданію сверхгосударства. Отъ перваго до послѣдняго разстояніе гораздо ближе, чѣмъ отъ современнаго положенія вещей до осуществленія этого проекта. Воплощеніе же федераціи народовъ знаменуетъ уничтоженіе войны и вѣчный „миръ всего міра".

5.

Въ предыдущемъ я намѣтилъ тѣ международныя отношенія, которыя осуществимы и теперь для созданія достаточныхъ гарантій мира. Ясно, однако, что для проведенія ихъ въ жизнь мало измѣненія однихъ международныхъ отношеній, а необходимы также соотвѣтственныя реформы и въ политической жизни внутри государства. Если послѣдняя не будетъ соотвѣтственно измѣнена, весь этотъ проектъ можетъ остаться на бумагѣ. Разсмотримъ же кратко

тѣ реформы, которыя должны быть сдѣланы и внутри государства для достиженія указанной цѣли.

Первой и настоятельной мѣрой, связанной съ осуществленіемъ даннаго проекта, является *если не полное уничтоженіе, то максимальное сокращеніе постоянной арміи и вооруженій во всѣхъ государствахъ*. Еще И. Кантъ замѣтилъ, что наличность большой регулярной арміи служитъ постоянной угрозой миру. Та же мѣра диктуется и рядомъ другихъ причинъ: Европа такъ истощена теперь, раны столь глубоки, и государственные долги столь велики, что необходимо принять всѣ мѣры къ тому, чтобы не тратить средствъ на непроизводительныя цѣли. Содержаніе большой и постоянной арміи—расходъ громадный. Производительность же такой затраты—ничтожна. Поэтому облегчить на нѣсколько сотъ милліоновъ ежегодный бюджетъ государства—задача, диктуемая прямымъ интересомъ послѣдняго. Мѣсто регулярной арміи должна занять милиція самого народа, въ формѣ краткосрочнаго обученія его военной техникѣ. Этимъ путемъ уничтожена будетъ одна изъ угрозъ миру, и дана будетъ возможность затратить громадныя суммы для болѣе производительныхъ задачъ. Эта замѣна регулярной арміи самимъ вооруженнымъ народомъ возможна была уже и при современныхъ условіяхъ международнаго общенія (Швейцарія, отчасти Америка и т. д.). Тѣмъ болѣе она осуществима въ будущемъ.

Вторымъ шагомъ въ томъ же направленіи должно быть измѣненіе политическаго строя государствъ, въ частности, *передача вопросовъ войны и мира изъ рукъ тайной и безотвѣтственной дипломатіи въ руки самого народа или демократизированнаго народнаго представительства.* До сихъ поръ веденіе международной политики было спеціальностью „дипломатовъ". Значительная доля тайны окутывала ихъ дѣйствія. Что дѣлалось за покровомъ ея—народу было неизвѣстно. Ему кой-что сообщали тогда лишь, когда объявлялась война, и призывали его подъ знамена. Такое положеніе дѣла долѣе не можетъ продолжаться. Разъ вопросъ идетъ о жизни и смерти народа — дѣло его самого рѣшать этотъ вопросъ, а не дипломатіи. И нѣтъ сомнѣнія, что онъ рѣшать его

будетъ болѣе откровенно, чѣмъ безотвѣтственная дипломатія. Послѣдняя, объявляя войну, ничѣмъ не рискуетъ. Тягости и жертвы войны ложатся не на нее, а на народъ. Поэтому, если первая можетъ здѣсь поступать легкомысленно, то народъ не можетъ такъ вести себя. Въ какой формѣ народъ будетъ рѣшать этотъ вопросъ—это дѣло страны. Лучшей системой кажется намъ система референдума (всеобщаго опроса), принятая, напр., въ Швейцаріи. При введеніи этого условія уничтожена будетъ вторая угроза миру.

Однако, система референдума возможна не всегда. Предположимъ, что врагъ неожиданно напалъ на страну. Пока будетъ производиться опросъ—пройдетъ время, и врагъ можетъ нанести непоправимый ущербъ. Поэтому, въ случаяхъ необходимой обороны (но только въ этихъ случаяхъ), право объявленія оборонительной войны можетъ быть признано и за народнымъ представительствомъ, подъ условіемъ дальнѣйшаго санкціонированія его рѣшенія тѣмъ же опросомъ народа.

Это обстоятельство, естественно, указываетъ и на дальнѣйшую связь вопроса о мирѣ съ внутреннимъ укладомъ государства. Далеко не всякое народное представительство является подлиннымъ выразителемъ интересовъ народа. Даже въ такихъ странахъ, какъ Франція, гдѣ есть „всеобщее" голосованіе, избиратели составляютъ всего 27⁰/о населенія. Мудрено ли поэтому, что большинство депутатовъ выходитъ изъ слоевъ буржуазіи, и интересы широкихъ массъ остаются недостаточно защищенными. Въ другихъ же странахъ, какъ у насъ, дѣло обстояло еще хуже. При такихъ условіяхъ легко можетъ случиться, что война окажется весьма выгодной тому классу, къ которому принадлежитъ большинство депутатовъ, а посему можетъ статься, что палата вотируетъ войну въ ущербъ интересамъ народа. Чтобы этого не могло случиться, необходимо демократизированіе самой палаты путемъ введенія всеобщаго и т. д. голосованія на выборахъ, пропорціональнаго представительства, введенія института референдума, законодательной иниціативы народа и т. д. Парламентъ, составленный такимъ образомъ, будетъ вѣрнѣе отражать настроеніе страны и опять-

таки не будетъ такъ легкомысленно брацать оружіемъ, какъ это дѣлаютъ патентованные дипломаты.

Въ ряду другихъ реформъ, связанныхъ съ проблемой мира, приходится указать и еще на одну реформу — это принципъ равенства правъ всѣхъ лицъ и всѣхъ національностей, живущихъ въ предѣлахъ государства. Національные вопросы оттого именно такъ рѣзко и проявились теперь, оттого именно національный проектъ передѣлки Европы и пріобрѣлъ широкую популярность, что положеніе націй въ одномъ и томъ же государствѣ было далеко неодинаково. Были національности — господа, и національности, ограниченныя въ правахъ. Были сословія, обладавшія полнотой правъ, и сословія обдѣленныя, почти безправныя. Этотъ фактъ всегда служилъ источникомъ и ряда внутреннихъ смутъ, и ряда военныхъ столкновеній. Такое „яблоко раздора" не должно быть оставлено въ будущемъ. Какъ указанные выше, такъ и принципъ *равноправія народностей* или, еще точнѣе, принципъ *равноправія каждаго члена государства,* долженъ быть формулированъ и принятъ на будущемъ конгрессѣ. Разъ онъ войдетъ въ жизнь, національный вопросъ потеряетъ остроту, какъ потеряетъ остроту и вопросъ о перекройкѣ карты по принципу національности. При этихъ условіяхъ каждый гражданинъ будетъ полноправнымъ членомъ своего отечества, кто бы онъ ни былъ. Какъ и всѣ, онъ можетъ вѣровать по своему, говорить, учить, писать на своемъ языкѣ, составлять свое національное общество, пользоваться автономіей, короче—быть полноправнымъ. Въ этомъ случаѣ всѣ націи будутъ лишь частями одного великаго цѣлаго — человѣчества. Стремясь къ достиженію цѣлей послѣдняго, каждый будетъ достигать національныя цѣли, и обратно, преслѣдуя послѣднія и не вредя интересамъ другихъ народовъ, онъ будетъ служить цѣлямъ всего человѣчества. Короче, только въ этомъ случаѣ національность не будетъ противорѣчить идеѣ интернаціональности, идея «русскаго», «еврея» или «германца»—идеѣ «человѣка».

Проведеніе того же принципа *равенства правъ каждой личности* ослабитъ и остроту вопросовъ передѣлки карты Европы. Самостоятельныя государства съ вышеприведеннымъ ограниченіемъ

ихъ произвола въ вопросахъ международнаго права, пока, конечно, останутся. Какъ выше было указано, для созданія „сверхгосударства“ въ полномъ объемѣ часъ еще не пробилъ. Если принципъ равенства правъ каждаго человѣка и національности не будетъ осуществленъ, вопросъ о распредѣленіи государствъ становится острымъ. Если же будетъ признано, что всякая національность и всякая личность въ предѣлахъ какого бы то ни быто государства пользуется всей полнотою правъ — рѣшеніе вопроса облегчается. При этихъ условіяхъ возможно даже и образованіе государства, составленнаго изъ разнородныхъ національностей, что явится неизбѣжнымъ для мѣстъ со смѣшаннымъ этническимъ составомъ. Примѣръ Австріи, оказавшейся все же болѣе прочной, чѣмъ думали многіе, — доказательство тому, что различныя націи, даже при далеко не полномъ равенствѣ правъ, могутъ считать однимъ и тѣмъ отечествомъ одно государство, если оно хоть сколько-нибудь защищаетъ ихъ права. Съ тѣми или иными измѣненіями, но наилучшимъ исходомъ при этой перекройкѣ представляется сохраненіе положенія, въ общемъ близкаго къ положенію до войны (status quo ante).

Нелишнимъ было бы, разумѣется, если бы всѣ государства обязались ввести въ составъ своего уголовнаго кодекса статьи, предусматривающія нарушеніе указанныхъ выше нормъ международнаго права и карающія всякое посягательство на нихъ со стороны правительства отдѣльнаго государства. Судъ по этимъ преступленіямъ можно было бы передать тому же международному суду.

Таковы основныя внутреннія реформы, требующіяся для проведенія въ жизнь очерченнаго проекта. Центръ тяжести гарантій мира не въ способахъ размежеванія территоріи государствъ, какъ думаютъ представители госуд. и націон. проектовъ, а въ проведеніи указанныхъ мѣръ внутри-государственнаго и международнаго права.

На ихъ проведеніи и разработкѣ и должно сосредоточиться вниманіе будущаго конгресса. Объ ихъ осуществленіи долженъ каботиться всякій, кто хочетъ мира. Они не такъ утопичны, кажъ авжутся. Они единственно способны двинуть дѣло мира впередъ

Внѣ ихъ -другого пути нѣтъ къ этой цѣли. Трудности осуществленія, конечно, есть. Но эти трудности преодолимы. Да и было ли какое либо культурное пріобрѣтеніе безъ трудностей! Поэтому—бояться ихъ нечего. Интересъ каждаго—помогать созданію условій, которыя

„дадутъ народамъ миръ,
а жизни свѣтлый строй".

При которыхъ

„не будутъ люди, злобны и жестоки
какъ волки грызться межъ собой..."

когда

„сойдетъ любовь, чья благостная сила
еще невѣдома въ послѣднихъ глубинахъ,
съ надеждой къ тѣмъ, кого судьба забыла".

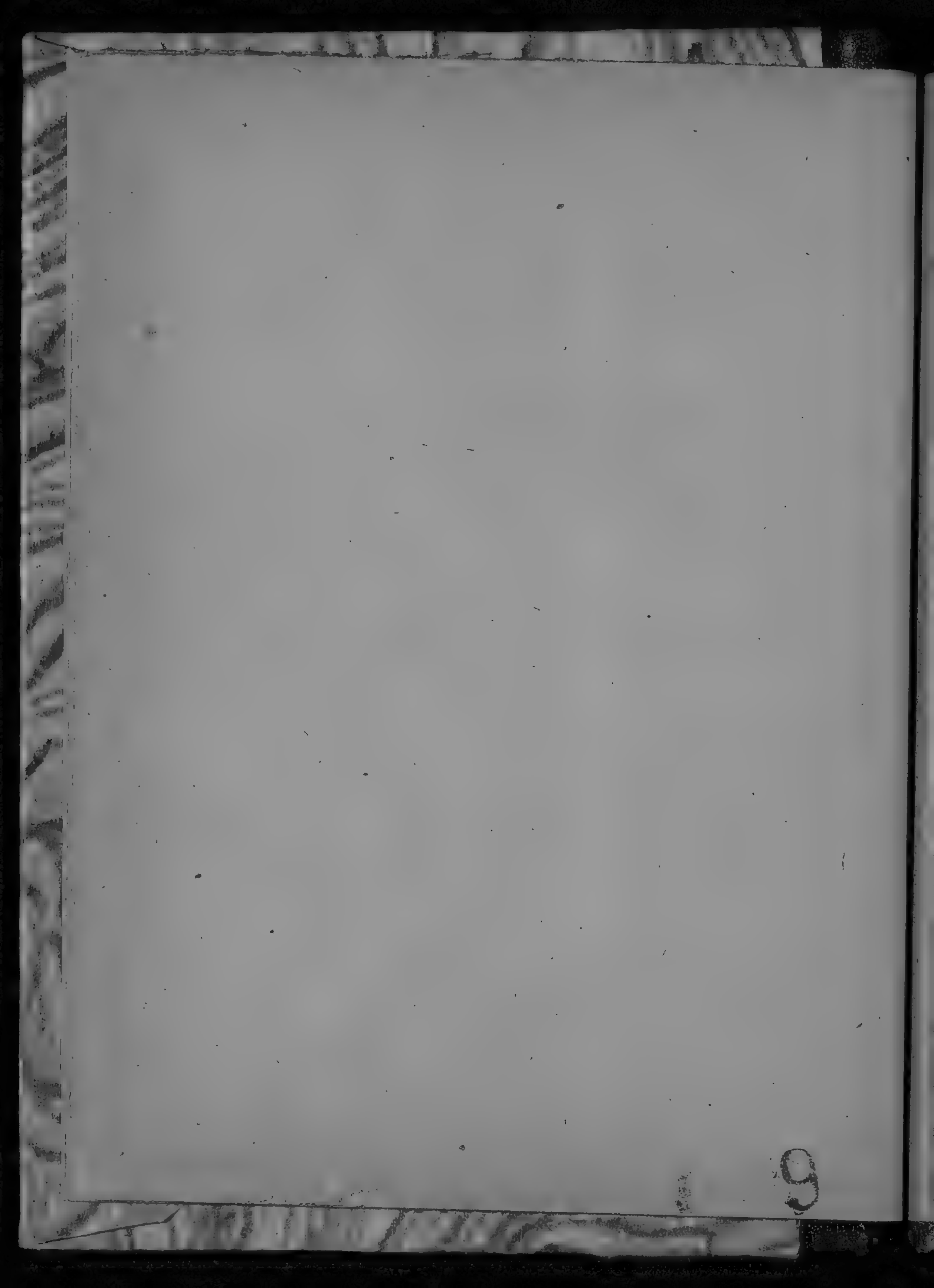
Если же и въ этотъ разъ человѣчество не сумѣетъ создать этихъ условій и останется при «старомъ корытѣ», то и тогда усилія каждаго работника не будутъ потеряны. Закончимъ статью словами Г. Спенсера: „Разсудительный человѣкъ долженъ безстрашно высказывать самую глубокую истину, до которой онъ додумался, и долженъ стремиться обратить въ дѣйствительность самый чистый изъ своихъ идеаловъ. Какова бы ни была су

его мысли, онъ знаетъ, что сдѣлалъ свое дѣло въ жизни; а тамъ — достигнетъ онъ своей цѣли — прекрасно; нѣтъ — и то хорошо, хотя, конечно, не настолько хорошо, какъ первое" *).

Питиримъ Сорокинъ.

---

*) Г. Спенсеръ. Соціальная статика. Спб. 1906 г., стр. 533.


9

